

УДК 398.21: [392.546+398.4]

МЕСТО ПОХИЩЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ: К ВОПРОСУ О КОНТАКТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СВОЕГО И ИНОГО МИРОВ

А. С. Лызлова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье представлена попытка классификации локусов русских волшебных сказок, где совершается похищение женщины. Сопоставительный анализ показывает, что в роли подобных мест выступают элементы ландшафта, нежилые постройки и части дома. В этих локусах происходит контакт представителей двух миров.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, место похищения женщины, контакт, представители своего и иного миров.

A. S. Lyzlova. PLACE OF ABDUCTION OF WOMEN IN RUSSIAN FAIRY TALES: THE QUESTION OF CONTACTS BETWEEN REPRESENTATIVES OF THEIR OWN AND THE OTHER WORLDS

The paper represents an attempt to classify the loci in which women may be abducted in Russian fairy tales. Comparative analysis shows that landscape features, non-residential buildings and parts of a home may be such places. In those loci representatives of the two worlds come in contact.

Key words: Russian fairy tales, the place of abduction of women, contact, representatives of their own and the other world.

Коллизия, связанная с похищением женщины, получила широкое распространение в русских волшебных сказках. Такие тексты повествуют о том, что героиня оказывается во власти «хозяина» иного мира. При этом похищение женщины может происходить в различных локусах, где представители двух миров вступают в контакт.

Опираясь на словари пространственных элементов [Цивьян, 1975. С. 193] и предметных реалий [Добровольская, 2009. С. 24–25] волшебных сказок, можно классифицировать место похищения женщины по предложенным их составителями параметрам.

Элементы ландшафта

Достаточно часто местом похищения женщины оказывается **лес**. По словам В. Е. Добровольской, «лес в мифологии различных народов – одно из основных мест пребывания сил, враждебных человеку, через лес проходит дорога в мир мертвых» [Добровольская, 2009. С. 119]. Исследовательница пишет, что «в русском сказочном репертуаре имеется несколько видов леса» [Там же], и отмечает десять основных значений этого локуса [Там же. С. 24–25]. Вместе с тем упоминание леса в качестве места похищения женщины в списке функций

отсутствует. В рассматриваемых нами сказках указанный локус достаточно часто выступает в подобной роли: «Ну старша сёстра и отправилась. Цють только зашла в лес, как ю схватили двенадцать медведей» [Северные сказки, 1998. № 167].

Иногда в сказках указывается, что женщина собирает в лесу ягоды или грибы: «Пришла (Машенька. – А. Л.) на полянку, а тут уже медведь обряжается кушать землянику. <...> Он всё равно забросил её с корзинкой и повёз ей до своо дому» [Архангельские сказки, 2002. № 15]; «Вот раз пошла эта женщина в лес по грибы, а ее и захватил там медведь» [Сказки..., 1937. С. 124]. В одном из фольклорных вариантов похищение совершается во время работы героини на сенокосе: «Ходили в лесе, на сенокосе. И у этого крестьянина – Иваном звали – пропала жена, медведь украл, утенул в берлогу» [Сказки Терского берега..., 1970. № 55].

В некоторых сказках пребывание героини в лесу обусловлено тем, что отец забыл там высеченные им предметы: «Запоежжал старик в лес, старша дочь сказала: „Батюшко, привези мне-ка прелицу пресь“. Отец высек и оставил на пню. <...> Пошла (дочь. – А. Л.) в лес, медведь схватил йе и унёс. На второй раз запоежжал старик, втора дочка скажет: „Паличу привези“. Опять старик высек и забыл. Дочка опять пошла, медведь и ей утащил. Опять запоежжал старик, третья дочь скажет: „Мне, батюшко, пялы привези“. Отец высек и забыл. Девушка сама пошла, медведь и ей утащил» [Северные сказки, 1998. № 55]. В других текстах героини отправляются за «прялочкой», «швейкой» и «веретёшычком» [Сказки Терского берега..., 1970. № 76]; «прялицей», «кережкой» [Русские народные сказки..., 1974. № 18]. В этих примерах зафиксирована устойчивая связь похищаемой женщины с рукоделием, которое изначально наделено магическим смыслом [см.: Бернштам, 1988. С. 159–166].

Как отмечает Е. М. Неёлов, в сказках имеет несколько обликов леса:

«1. Лес „хозяйственный“ (он наиболее близок к лесу реальному). Сказочные персонажи в лесу охотятся, заготавливают дрова и т. д.

2. Таинственный, дремучий лес. Он может быть *добрым* (в лесу герой встречает помощника, лес задерживает врага) и очень часто *злым* <...>» [Неёлов, 1986. С. 82–83].

Опираясь на подобное деление, можно с уверенностью сказать, что лес как место похищения женщины – это лес «хозяйственный», о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

В роли похитителя в лесу, как правило, выступает медведь. С течением времени он мо-

жет заменяться другими, функционально близкими персонажами: волком, лешим, чертом. Такие сказки объединены в сюжеты **311 Медведь и три сестры** и **650А Иван Медвежье ушко** [СУС 1979].

В. Я. Пропп подчеркивает, что в сказках «лес побежден полем или садом» [Пропп, 2005. С. 133].

Поле оказывается местом похищения в некоторых сказках: «Вот поехали (сыновья. – А. Л.) в чисто полё гулять с маменькой. И вот откуда-то взялся Вихорь и унес у их мать» [Севернорусские сказки..., 1961. № 131]; «<...> собралась она (царская дочь. – А. Л.) с няньками, служанками, вышла в чистое поле <...>. Поднялась буря, унесла неизвестно куда» [Русские народные сказки..., 1982. № 27]. Как видно из примеров, указанный локус характеризуется эпитетом «чистое», который является постоянным при его обозначении во многих жанрах фольклора. Поле в этих случаях употребляется в значении «безлесная равнина, пространство» [Ожегов, 2007. С. 712].

В то же время в русском языке под словом «поле» понимается также «обрабатываемая под посев земля, участок земли» [Там же]. Как отмечает В. Е. Добровольская, в сказках «иногда поле приобретает дополнительную локусную характеристику – оно находится в лесу» [Добровольская, 2009. С. 115]. Эта реалья отражает северную «подсечную систему» земледелия.

Независимо от назначения, поле в русских сказках всегда «выступает как место контакта с „иномирными“ персонажами» [Там же]. Процитированные отрывки из рассматриваемых нами текстов подтверждают эти слова.

В отдельных текстах похищение женщины совершается **на лугу**: «Ей (матери. – А. Л.) стало скушно, она сыну и говорит: „– <...>, отвези меня покататься по зеленым лугам“. Он и сжалился, повез. Вдруг вихорь налетел, и матушки на коляски не стало» [Карнаухова, 2006. № 14].

Как отмечает В. Е. Добровольская, в некоторых сюжетах сказок луг оказывается идентичен саду [Добровольская, 2009. С. 128]. В анализируемых нами текстах указанного фольклорного жанра также отражается подобная замена.

Наиболее часто похищение женщины происходит именно во время пребывания героини **в саду**: «И вот однажды сидела царица в саду, налетел Вихрь и унес царевну» [Традиционный фольклор..., 2001. № 35]. Подобная ситуация характерна для многих вариантов сказок, зафиксированных в СУС под номерами: **301А, В Три подземных царства**, **301D* Солдат находит исчезнувшую царевну**, **312D Катигорошек**, **552А Животные-зятья**.

Заметим, что указанный локус упоминается в «Сказке о золотой горе, или удивительных приключениях Идана, восточного царевича» (1782 г.), которая является первой опубликованной сказкой о похищении женщины: «В один день царь прогуливался с царицею в саду, и, вдруг поднявшись, вихорь унес супругу с глаз его» [Сказка о золотой горе..., 2001. С. 19]. Почти так же описывается ситуация в «Сказке о Василие-королевиче», помещенной в сборнике «Старая погудка на новый лад» (1794–1795 гг.) и представляющей собой переработанный вариант «Сказки о золотой горе»: «В одно время король прогуливался по своему прекрасному саду, вдруг поднялся великий вихорь и, схватя на воздух королеву, унес ее в неизвестное королевство» [Старая погудка..., 2001. № 34].

В текстах нередко указывается, что в саду растут деревья, кустарники, цветы, которые привлекают внимание героини: «Пошла Елена в сад гулять с няньками. <...> Пошла она к яблоне, и вот прилетел Ворон Воронович, Клёкот Клёкотович, Семигородович, взял ей и утащил» [Сказки Терского берега..., 1970. № 7]. Иногда локус характеризуется различными эпитетами: «большой и славный» [Народные русские сказки..., 1984. № 131], «чистый» [Русские народные сказки..., 1974. № 1]. Наиболее устойчивым эпитетом при описании сада в рассматриваемых сказках является «зелёный»: «Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад гулять» [Народные русские сказки..., 1984. № 159].

В некоторых случаях похищение происходит во время пребывания героини **на морском берегу**: «Вот она (царская дочь. – А. Л.) вышла однажды к морю на прогулку. Ее схватывает маленький мужичок, голова с пивной котелок, ростом под потолок (вот какой маленький!), и утащил ее» [Сказки Ф. П. Господарева, 1941. № 14]. Подобная ситуация представлена, прежде всего, в многочисленных текстах на сюжет **301D*** *Солдат находит исчезнувшую царевну*, получивших широкое распространение в лубочной литературе.

Отметим попутно, что во многих волшебносказочных сюжетах представлена ситуация, связанная с обретением героем невесты у какого-либо водоема (см., например, сюжеты **400**, *Царь-девица* (имеется в виду версия сюжета, где героиней является не царь-девица, а девушка-лебедь [Сказки Карельского Беломорья, 1939. № 24; Русские народные сказки..., 1974. № 12 и др.]), **402** *Царевна-лягушка* и др.). По мнению В. П. Фёдоровой, в сказках сохраняются отголоски одного из древнейших

типов брака умыкания, совершавшегося с согласия невесты и без согласия ее, сведения о бытовании которого зафиксированы в летописных источниках [Фёдорова, 1989. С. 80]. Исследовательница отмечает, что такой тип брака получил широкое распространение и бытовал еще в 30-е гг. XX в. [Там же. С. 80–83]. Он был усвоен и переосмыслен русской волшебной сказкой, для которой характерна «стабильность мотива брака у воды» [Там же. С. 85].

Нежилые постройки

В единичном случае похищение совершается, когда героини отправляются за водой на **колодец**: «Старик и говорит старшей дочери: „Поди-ко за водой, так старуха растворит блинов: я блинов захотел!“ Дочь пришла к колодцу: прилетел ворон, схватил её и утащил. Потом послал [старик] вторую дочерь; её утащил месяц. Потом посылает третью дочерь. Третью утащило сонцо» [Великорусские сказки..., 2002. № 19]. По словам В. Е. Добровольской, колодец как место встречи с персонажами из потустороннего царства наиболее устойчив в сюжете **313A** *Чудесное бегство*, где отец героя обещает его водяному [Добровольская, 2009. С. 117]. В сказке из сборника, составленного Д. К. Зелениным, данный локус используется в той же функции.

В единственном тексте похищение происходит **на мосту**: «Раз царские дочери пошли к обедне, царь послал с ними полк солдат. Шли от обедни, взошли на самый этот мост (через реку. – А. Л.). Вдруг поднялся вихрь, сделалась пыль. В пыли солдаты не увидели друг друга. Прошел этот вихрь, царские дочери пропали» [Народные сказки..., 2005. № 32]. Как отмечает Л. Н. Виноградова, «мост – сооружение и локус, которые, по народным представлениям, соединяют земное и потустороннее пространство; место контактов человека с мифическими существами; один из наиболее опасных и ответственных участков пути» [Виноградова, 2004. С. 303]. В волшебных сказках, по словам исследовательницы, прежде всего, проявляется «семантика моста как пограничного локуса, связывающего „далекое“ и „близкое“, иномирное и земное» [Там же. С. 306].

В одном из текстов, записанных от Е. И. Соколовой (Магая), местом похищения женщины оказывается **кладбище**: «<...> Лукерья и пошла на могилку (родителей. – А. Л.), и только дошла она до могилки, хотела сесть на скамью, вдруг ниоткуда взялся Сокол Соколович и унес ее с ветром» [Гуревич, Элиасов, 1939. № 32].

По народным представлениям, этот локус является местом пребывания умерших и их душ [Плотникова, 1999. С. 504].

Элементы строения

В некоторых сказках похищение женщины совершается **на крыльце** дома: «Только они вышли на крыльцо, как спустился черный вихорь, подхватил ее (Елену Прекрасную. – А. Л.), и он (Иван-царевич. – А. Л.) остался один» [Сказки Карельского Беломорья, 1939. № 7]. В нескольких из рассмотренных фольклорных вариантов вместо крыльца фигурируют ступени: «Он (старик. – А. Л.) и говорит: „– Ну, дочка старшая, выходи на ступени!“ Тая вышла. Солнце подхватило ее и унесло» [Севернорусские сказки..., 1961. № 37]. При этом, как пишет Н. А. Криничная, «в севернорусских говорах ступенями, ступеньями называли и ступеньки, и лестницу, и крыльцо» [Криничная, 2007б. С. 174].

Крыльцо как место похищения женщины представлено в сюжетах **402 Царевна-лягушка**, **400 Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену**, **552А Животные-зятья**.

Восприятие крыльца в качестве места контакта человека с потусторонними силами характерно и для мифологических рассказов и поверий [Криничная, 2007а. С. 110–117].

В подобной роли в некоторых рассмотренных текстах о похищении женщины выступает **окно**: «Дочка сидела у открытого окна, вдруг поднялся Ветер и утащил дочку», «Дочка сидела у открытого окна, налетел Ворон, подхватил ее и унес» [Сказки Заонежья, 1986. № 35].

В мифологических рассказах окно также «оказывается каналом связи с иным миром» [Криничная, 2008. С. 137]. В традиционной культуре «окна соотносятся с идеей входа, проницаемости, связи жилища с внешним миром <...>» [Байбурин, 1983. С. 140].

В. Е. Добровольская правильно отмечает, что крыльцо и окно – «незащищенные части жилища, рядом с которыми происходит контакт с представителями „иного“ мира» [Добровольская, 2009. С. 111]. В одном из проанализированных текстов таким открытым местом оказывается **балкон**: «<...> выпустив (царь. – А. Л.) ее (жену. – А. Л.) на балкон. На ту пору, на то время прилетела Жар-птица, схватила их матушку и унесла за тридевять земель, за тридевять морей в свое царство» [Великорусские сказки..., 2003. № 11].

Таким образом, в рассматриваемых нами сказках локусы, где происходит похищение женщины, чрезвычайно разнообразны. В этой

роли выступают как элементы ландшафта, так и нежилые постройки и даже части строения. Можно согласиться с утверждением В. Е. Добровольской о том, что «в сознании сказочника дом защищен от представителей „иного“ мира, а следовательно, в контакт с ними герой сказки может вступить либо за пределами дома, либо находясь у наименее защищенных частей жилища» [Добровольская, 2009. С. 111]. В нашем случае все это касается похищаемой женщины. Покинув защищенное пространство, она становится уязвимой и вступает в контакт с «хозяином» иного мира, который переносит ее в свои владения. Рассмотренные локусы располагаются на границе своего и чужого миров. Они широко представлены в других фольклорных жанрах и различных обрядах. Сопоставление их, прежде всего, со свадебной обрядовой поэзией позволит глубже исследовать семантику.

Источники и литература

Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002. 252 с.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 192 с.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 277 с.

Великорусские сказки Вятской губернии: Сб. Д. К. Зеленина. СПб.: Тропа Троянова, 2002. 736 с.

Великорусские сказки архива Русского географического общества: Сб. А. М. Смирнова: В 2-х кн. СПб.: Тропа Троянова, 2003. Кн. 1. 479 с.

Виноградова Л. Н. Мост // Славянские древности. Этнолингв. словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 303–307.

Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья. Т. I. Улан-Удэ: Бургом, 1939. 472 с.

Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. 224 с.

Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 558 с.

Криничная Н. А. Крыльцо крестьянского жилища: фольклорно-мифологический образ в контексте традиций народного искусства // Традиционная культура. 2007а. № 4. С. 110–117.

Криничная Н. А. Лестница: к проблеме морфологии фольклорного мышления (по материалам мифологических рассказов и поверий) // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: итоги и перспективы. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007б. С. 169–178.

Криничная Н. А. Окно крестьянского жилища: к представлениям о границе и контактной зоне между мирами в севернорусской мифологии // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и со-

пределных регионов. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2008. С. 131–141.

Лекарство от задумчивости и бессонницы, или настоящие русские сказки (1786 г.) // Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. СПб.: Тропа Троянова, 2001. С. 39–130.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с.

Народные сказки, собранные сельскими учителями. Сб. А. А. Эрленвейна // Русские сказки и побасенки. Сборники А. А. Эрленвейна и Е. А. Чудинского. СПб.: Тропа Троянова, 2005. С. 10–148.

Неёлов Е. М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики. Л.: ЛГУ, 1986. 200 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Оникс; Мир и Образование, 2007. 1200 с.

Плотникова А. А. Кладбище // Славянские древности. Этнолингв. словарь. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 503–507.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005. 332 с.

Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск: Карелия, 1974. 424 с.

Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с.

Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 386 с.

Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2-х кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. 476 с.

Сказка о золотой горе, или удивительные приключения Идана, восточного царевича (1782 г.)

// *Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века.* СПб.: Тропа Троянова, 2001. С. 17–38.

Сказки Заонежья. Петрозаводск: Карелия, 1986. 296 с.

Сказки Карельского Беломорья. Т. I: Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск: Карельское гос. изд-во, 1939. Кн. 1. 660 с.

Сказки Саратовской области / Сост. Т. М. Акимова и П. Д. Степанов. Саратов: Саратов. обл. изд-во, 1937. 206 с.

Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. 447 с.

Сказки Филиппа Павловича Господарёва. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1941. 660 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с. (в тексте – СУС).

Старая погудка на новый лад. Русская сказка в изданиях конца XVIII века. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 399 с.

Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 г. СПб.: Алетейя, 2001. 534 с.

Фёдорова В. П. Древний тип брака (обряд и сказка) // *Поэзия и обряд.* М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. С. 79–88.

Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // *Типологические исследования по фольклору.* М.: Наука, 1975. С. 191–213.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лызлова Анастасия Сергеевна

младший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: alyzlova@rambler.ru
тел.: +79212216976

Lyzlova, Anastasia

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: alyzlova@rambler.ru
tel.: +79212216976